

МАТЕРИАЛЫ К ТЕМЕ
«ВЯЧ. ИВАНОВ И ПУШКИНОВЕДЕНИЕ»

I. Пушкинский семинар 1919–1920 года

Тема «Пушкин» проходит через все периоды жизни и творчества Вяч. Иванова. Посвященный Пушкину сонет «На миг» в книге «Кормчие Звезды» зафиксировал канонизацию Пушкина символами, оставшуюся актуальной и для последующей литературной культуры.¹ В одной из первых боевых статей, которыми Вяч. Иванов начинал свою деятельность в стане «Весов» — «Поэт и чернь», он пытался переосмыслить и примирить этот пушкинский трагический конфликт в синтезе нового «всенародного» символистского мировоззрения. Вяч. Иванову принадлежат четыре историко-литературные статьи о Пушкине: «О „Цыганах“ Пушкина» (1908; IV, 299–323, 744–749), «К проблеме звукообраза у Пушкина» (1925; IV, 343–349), «Роман в стихах» (1937; IV, 324–329) и «Два маяка» (1937; IV, 330–342). Малоизвестным эпизодом остается «Пушкинский семинарий», руководимый Вяч. Ивановым в Москве в первые послереволюционные годы.

О его деятельности вспоминала ученица Вяч. Иванова поэтесса Ольга Мочалова. «В Старокопюшенном переулке, доме 4, в помещении, предоставленном Иваном Моисеевичем Дегтеревским, в 1919 году был организован И. М. Дегтеревским, Е. Н. Елеонской и А. А. Дилевской пушкинский семинар под руководством Вячеслава Иванова. Заседания проходили по средам. В то время городской транспорт действовал слабо, зима была лютая и снежная, но среды посещались дружно».² Это свидетельство можно дополнить сообще-

¹ Аверинцев С. С. Вячеслав Иванов и русская литературная традиция // Аверинцев С. С. Связь времен. Киев, 2005. С. 324–325.

² Мочалова О. Голоса Серебряного века. Поэт о поэтах. М., 2002. С. 15–16. Ср.: «Помню первый визит в квартиру Вячеслава Ивановича. При разговоре присутствовал Иван Моисеевич Дегтяревский, верный оруженосец поэта и его подголосок. В дальнейшем устроитель пушкинского семинария в своем доме (Старокопюшенный, 4), известного, как студия Гунста» (Мочалова О. О Вячеславе Иванове. Из воспоминаний. Цит. по кн.: Иванова Л., 1992. С. 361. Ср.: «Дегтяревский <...> ему организовал целый курс лекций по Достоевскому, а затем и по Пушкину» (Там же. С. 83). Ср. также: «В 1915–1917 гг. существовал в Москве „Пушкинский кружок историков литерату-

нием точной даты открытия Пушкинского семинария при Драматической студии А. О. Гунста — февраль 1919 года.³ Единственный раз сам Вяч. Иванов упомянул об этом семинарии в июне 1920 года на заседании «Кружка поэзии», которым он руководил: увидев в стихотворении О. Мочаловой неопознанную им пушкинскую цитату, он спросил: «„Почему в кавычках последняя строка <...>? Откуда она взята?“ — „Из Пушкина.“ — „Вот так раз! А еще руководитель Пушкинского семинария“».⁴

Историю этого семинария сообщает анонимный машинописный текст, принадлежавший В. А. Мануйлову и переданный по его воле 4 июня 1993 года Д. В. Иванову для Римского архива Вяч. Иванова.⁵

Судя по этому документу, состав кружка был разнообразным: выступали уже известные в науке или, во всяком случае, зрелые исследователи — И. Н. Розанов, Е. И. Боричевский, Ю. П. Денике, Е. Н. Елеонская. Наряду с ними делали доклады студенты, которые впоследствии по разным причинам не оставили следа в науке о литературе. Самым деятельным в семинарии оказался его руководитель: за пять месяцев первого семестра он выступил с 14 докладами и содокладами.

Первые заседания семинара были посвящены рассмотрению «Маленьких трагедий». На февральском заседании Вяч. Иванов сделал сообщение о «Пире во время чумы» — его связи с традицией античного симпозиона и его дионисийском характере;⁶ присутствовал М. О. Гершензон, друг и сотрудник поэта по ряду литературных начинаний.

На другой среде, быть может, не удовлетворяясь краткими сообщениями И. Дегтяревского и Е. Галицкой о «Скупом рыцаре», Вяч. Иванов предложил его многоуровневую интерпретацию — в аспек-

ры», в него входили: Б. А. Грифцов, И. Н. Розанов, В. М. Фишер, К. Г. Локс, Е. И. Боричевский, П. И. Майгуро. На собраниях бывали: В. Ф. Ходасевич, М. А. Цявловский, Д. С. Дарский. <...>. Когда в 1919 г. возник Пушкинский семинарий Вячеслава Иванова, часть членов, например, Е. И. Боричевский, ныне профессор Минского университета, и И. Н. Розанов, приняли в нем деятельное участие» (см.: Хроника // Пушкин. Сборник Пушкинской комиссии Об-ва любителей российской словесности / Под ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1924. Сб. I. С. 329; ср. также с. 320).

³ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М., 2005. Том 1. Ч. 1. С. 361–362.

⁴ «Кружок поэзии» в записи Фейги Коган / Публ. А. Шишкина // *Poesia e Sacra Scrittura*, 2004. Vol. 2. С. 145. Мочалова завершила свое стихотворение цитатой из пушкинского «Осгара».

⁵ РАИ. Оп. 2. Карт. 15. № 7. Восемь пожелтевших листов in folio, сложенных пополам, машинопись с поправками, подчеркиваниями и заклеяками.

⁶ Автор этих строк пытался реконструировать эти ивановские идеи в работе «Из литературной истории русского симпозиона» (*Contributi italiani al XII Congresso internazionale degli slavisti*. Napoli, 1998. P. 494–499).

Ю. П. Денике
(П. П. Кончаловский.
Портрет Ю. П. Денике и
А. Д. Покровского.
1913. ГРМ, фрагмент).

те биографическом, историческом, психологическом, моральном и метафизическом. Эта многоуровневая интерпретация — от непосредственного конкретного смысла к смыслу высшему — продолжала неоплатоническую традицию. В качестве метафизического толкования был предложен экскурс в гностическую демонологию и Скупой рыцарь определен как герой люциферического типа (ср. в работе 1917 года: «Люцифер в человеке — начало его одинокой самостоятельности, его своевольного самоутверждения в отъединении от целого, в отчужденности от „божественного всеединства“»; IV, 448).

Хроника семинара в некоторых случаях оказывается неполной. Так, мы не находим изложения обещанного доклада Иванова о фрагменте „В начале жизни школу помню я“. Между тем, этот пушкинский фрагмент в ивановской системе мысли имел исключительное значение: Вяч. Иванов видел в нем повествование о конце христианского средневековья и начале европейского Возрождения и гуманизма. В начале 1920-х годов он предполагал написать о стихотворении отдельную работу (см. ниже), а в позднейшей

итоговой статье 1937 года посвятил фрагменту специальную главку (IV, 334–335).

В других случаях хроника более полна, хотя и остается сугубо конспективной. Такова запись о заседании, посвященном «Моцарту и Сальери», которое было открыто докладом Ю. П. Денике. По сообщению хроники, Вяч. Иванов, «согласившись с основным тезисом докладчика, сделал параллельную формулировку этого тезиса в неоплатонических терминах дуализма начал титанического и дионисийского <...> и остановился на изображении Пушкиным зависти, взятой в самой утонченной своей форме — богоборства, как бунта против благодати и чуда». То есть, согласно этой оригинальной религиозно-философской интерпретации, Сальери является тита-

ническим героем, а природа чувства, которым он одержим, — зависти — направлена не против личности Моцарта, а против сверхличного метафизического начала, в нем воплощенного. Интерпретации «Моцарта и Сальери» в этом ключе была посвящена одна из главок работы 1937 года (IV, 332–334).

Главным делом руководителя семинария было находить масштабные и значительные мифопоэтические истолкования Пушкина. Вот, в частности, интерпретация «Каменного гостя»: «Вячеслав Иванов указал главным образом на различие пушкинского и западных „Дон-Жуанов“ со стороны постигающей их кары, остановился на русском разрешении Пушкиным взятой им темы и определил основной миф произведения, как злоупотребление солнечною, карающееся превращением в камень (камень, как потухшее солнце (пол) в символике мифа)». ⁷ Идея «статуарности» получила продолжение в работах о «Медном всаднике» Л. Пумпянского ⁸, Р. О. Якобсона ⁹ и других исследователей, но, насколько мне известно, такого рода интерпретации «Каменного гостя» в пушкинистике до сих пор еще не предлагались.

Как видим, Вяч. Иванов рассматривал драматические и лирические произведения Пушкина сквозь призму таких религиозно-культурных феноменов, как неоплатонизм, дионисизм, архаический ритуал, аттическая трагедия, солярный миф. 14 ивановских докладов на семинарии представляют столь значительный интерес, что кажется возможным предпринять предварительную публикацию хроники, не дожидаясь, пока история семинария будет в надлежащей мере воссоздана и пока профиль Вяч. Иванова-пушкиниста будет прояснен. Итак, ниже публикуется текст хроники. ¹⁰

⁷ О мифопоэтическом смысле окаменения Дон Жуана см. в дневнике от 4 августа 1909 года (II, 782); ср. также в набросках выступления в РФО «Евангельский смысл слова „земля“» (Публ. О. Фетисенко; *Символ.* 2008. С. 76).

⁸ Николаев Н. И. Примечания // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 676. Об огромном влиянии идей Вяч. Иванова на Пумпянского см. в этом издании по указателю имен.

⁹ Ср., прежде всего, его влиятельнейшую работу «Статуя в поэтической мифологии Пушкина» (1937).

¹⁰ См. примеч. 5. Опечатки исправлены без оговорок, но сохранены особенности написания фамилий (в частности, Ю. П. Денике).

О первом семестре «Пушкинского семинария» под руководством Вячеслава Иванова и о лекциях при этом семинарии

В начале этого года в Москве у небольшой группы лиц возникла мысль об организации ряда лекций и семинария по изучению памятников и теорий художественного слова.

Сама жизнь показывала, что то новое, что было сказано за последнее десятилетие в ряде отдельных лекций, статей и, наконец, частных бесед, должно было найти себе место для систематического ознакомления публики путем живого слова. Кроме того, определившийся за последнее время подход к изучению поэтических произведений прежде всего с точки зрения их художественной сущности требовал проповеди, ознакомления и дальнейшего развития.

Таковы были общие задачи той группы лиц, которая задалась целью организации лекций и семинария. В той серии лекций, которая была выполнена в первом полугодии, выступали следующие лекторы: *К. Д. Бальмонт* прочитал лекцию на тему «Как возникает стих», *М. О. Гершензон* три лекции о «Видении поэта»,¹¹ *Вячеслав Иванов* «О мистике любви в произведениях Тургенева» и «Об „Идиоте“ Достоевского», *Ю. К. Балтрушайтис* «О внутренней готовности творчества», *Андрей Белый* «О теориях художественного слова»,¹² *Н. А. Бердяев* «О творчестве Андрея Белого» и *А. А. Сидоров*¹³ «О пейзаже в русской поэзии и живописи XIX века». Кроме того, в продолжение пяти месяцев Вячеславом Ивановым был проведен первый семестр семинария по Пушкину. Работа семинария, по предложению руководителя, была, главным образом, сконцентрирована вокруг осени 1830 г. На первом заседании руководитель семинария вскрыл показательный для данной поры пушкинского творчества дионисийский характер «Пира во время чумы» и напечатлевшиеся на нем черты исконного пиришественного ритуала.

По вопросу о Вальсингаме и Мэри выступил с возражениями *М. О. Гершензон*, посетивший это заседание. В дальнейших заседаниях были разобраны все маленькие трагедии Пушкина. Докладчиком по вопросу о «Моцарте и Сальери» выступил

¹¹ Ср. с опубликованной под тем же названием статьей: *Гершензон М.* Видение поэта. М., 1919 (на задней обложке: 1920). С. 3–20. Разбор этой работы см. в статье Вяч. Иванова «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» (IV, 647–650).

¹² В автобиографическом своде за апрель 1919 года Белый фиксирует выступление: «Теория художеств. слова». Лекция в «Пушкинской Студии» (*Белый А.* Себе на память // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 96). Сообщено *А. В. Лавровым*.

¹³ *Алексей Алексеевич Сидоров* (1891–1978), историк искусства, в 1920 году сотрудник Музея изящных искусств (позже ГМИИ им. А. С. Пушкина), с 1946 года член-корр. АН СССР.

Ю. П. Дейника,¹⁴ развивший свой взгляд на основное задание этой трагедии, как борьбу безблагодатного с благодатным. Руководитель семинария, согласившись с основным тезисом докладчика, сделал параллельную формулировку этого тезиса в неоплатонических терминах дуализма начал титанического и дионисийского, определил данную трагедию как трагедию без перипетий, удво-влетворяющую древним канонам, и остановился на изображении Пушкиным зависти, взятой в самой утонченной своей форме, — богоборства как бунта против благодати и чуда.

С докладами о «Скупом рыцаре» выступали *И. М. Дегтеревский*,¹⁵ сообщивший несколько эскизных соображений по поводу параллели между творчеством «Скупого рыцаря» и художественным творчеством вообще, и *Е. А. Галицкая*¹⁶, сделавшая психологический анализ персонажей трагедии. Вячеслав Иванов предложил подробный разбор трагедии со стороны композиции и, кроме того, проделал анализ этого произведения в планах биографическом, историческом, психологическом, моральном, физиологическом и метафизиологическом (люциферическая замкнутость Скупого Рыцаря), указав на маленькие трагедии Пушкина, как на яркие доказательства того, что трагедия выводит всегда за пределы искусства.

¹⁴ *Юрий Петрович Денике* (1887, Казань–1964, Брюссель), в 1920–1922 годах профессор Московского университета по кафедре исторической социологии, с мая 1920 года читал лекции в Литературной студии Академического подотдела Лито Наркомпроса, которым заведовал Вяч. Иванов (*Лавров А. В.* Письма Вяч. Иванова к Александре Чеботаревской // *Ежегодник РО ПД* на 1997 год. СПб., 2002. С. 268, примеч. 4). С середины 1920-го жил в Германии, затем во Франции и США, писатель и публицист. См. его портрет работы П. П. Кончаловского (Портрет в России: XX век: Из собрания Государственного Русского музея. СПб., 2001. С. 148). Вяч. Иванов писал о Денике в письме к О. А. Шор от 27 июля 1925 года: «старинный мой приятель по пушкинскому моему семинарию, с коим недавно вел я долгие беседы» (*Рус.-итал. архив*, III. С. 192).

¹⁵ *Дегтеревский* (*Дегтяревский*) *Иван* (*Иосиф*) *Моисеевич* (1891–1961), поэт и филолог, впоследствии профессор МГПИ. Несколько его стихотворений 1919–1920 годов см. в ивановском фонде в ИРАИ (Ф. 607. № 292); посвященное Вяч. Иванову стихотворение «Мудрец», опубликованное *А. В. Лавровым* (*Ежегодник РО ПД* на 1997 год. СПб., 2002. С. 268, примеч. 3), датировано 28 февраля 1919 года, то есть написано по следам самых первых семинаров. Ср. также: *Обатнин Г. В.* Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // *Poesia e Sacra Scrittura*, 2004. Vol. 2. С. 263; *Рус.-итал. архив*, III; по указателю.

¹⁶ *Галицкая* *Евгения Александровна* — критик, в 1918 публиковалась в журнале «Свободный час» (№ 3, июнь; № 6, сент.). «Вся Москва» за 1923 и 1925 годы упоминает *Е. А. Галицкую*, председателя благотворительного общества при Сокольнической больнице, проживала она на Зубовском бульваре, 27, т. е. практически в соседнем доме с Вяч. Ивановым.

Наконец два заседания были посвящены «Каменному Гостю», причем выступавшие по этому вопросу докладчики А. А. Дилевская¹⁷ и А. В. Позднеев¹⁸ в разных плоскостях дали разбор этого произведения, а Вячеслав Иванов указал главным образом на различие пушкинского и западных «Дон-Жуанов» со стороны постигающей их кары, остановился на русском разрешении Пушкиным взятой им темы и определил основной миф произведения как злоупотребление солнечностью, карающееся превращением в камень (камень, как потухшее солнце (пол) в символике мифа).

На других заседаниях были разобраны «Расставание»¹⁹, «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальней». Докладчиком выступал Е. В. Боричевский,²⁰ сделавший разбор этих стихотворений со стороны их внутреннего содержания, и А. В. Позднеев, доложивший свой инструментальный разбор «Заклинания». Вячеслав Иванов высказал свои соображения по поводу дионисийского характера разобранных стихотворений, стоящих в тесной связи с общим настроением пушкинского творчества осени 1830 года и дал свою интерпретацию инструментовки «Заклинания», указав на значимость (в пределах этого стихотворения) преобладания зубных *д* и *т*, на фрикативное *з*, как характерное изображение волевого импульса, и на употребление чистого ямба в местах наибольшей концентрации воли.

Докладчицей о «Бедном Рыцаре»,²¹ «Мне не спится»²² и «Египетских ночах» выступила Е. Н. Елеонская,²³ давшая эскиз-

¹⁷ Дилевская преподавала в Гос. Институте декламации и Гос. Институте слова (*Евстигнеева А. А. Комментарии*// Мочалова О. Голоса Серебряного века. С. 247).

¹⁸ Александр Владимирович Позднеев (1891–1975), филолог, фольклорист.

¹⁹ Речь идет о стихотворении «Прощание» («В последний раз твой образ милый...»).

²⁰ Евгений Иванович Боричевский (Боричевский; 1883–1934/5, репрессирован?), закончил Московский университет в 1909 году; последователь Зиммеля, в 1920-е годы профессор Минского университета, автор работ «О природе эстетического суждения» (Минск, 1923), «„Памятник“ Пушкина. Опыт истолкования» (Труды Белорусского университета. Минск, 1925. Т. VI–VII. С. 43–51) и антологии «Мир искусств в образах поэзии» (М., 1922). См. о нем: Локс К. Повесть об одном десятилетии (1907–1917)// Минувшее: Ист. альманах. М.; СПб., 1994. 15. С. 64–67 и по указателю.

²¹ Стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...»; первоначальное заглавие: «Легенда».

²² «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» («Мне не спится, нет огня...», 1830).

²³ В РАИ хранится фотография инскрипта Вяч. Иванова на неидентифицированном издании: «Дорогой сотруднице Елизавете (так! — А. Ш.) Николаевне Елеонской с дружеским приветствием Вячеслав Иванов. 1919».

ные работы о содержании этих произведений и проследившая связь этого последнего с инструментовкой в стихотворении «Мне не спится».

Вячеслав Иванов высказал свое понимание этих произведений и, указав на их особенное значение в пушкинском творчестве, произвел их подробный анализ. «Стихотворение, написанное во время бессонницы» было разобрано со стороны ритмики (физиологическая его транскрипция, взаимоотношение между ритмом и биением сердца), была вскрыта связь психологических моментов стихотворения с его инструментовкой и дана его философская интерпретация. Разбирая стихотворение «Был на свете Рыцарь Бедный...»,²⁴ руководитель семинария указал на демоническое настроение редакции 1830 года,²⁵ на родственность ее с «Гаврииладой» и на глубоко мистическое настроение второй редакции 1835 года. Наконец, при разборе «Египетских ночей» Вячеславом Ивановым была охарактеризована Клеопатра, как жрица и ипостась богини, действия ее были разобраны с точки зрения древней священной проституции, а основная идея произведения определена в виде страсти и смерти (как коррелятов) и борьбы полов.

Все же стихотворение было отнесено к произведениям, пробуждающим в нас атавистическую память.

Следует сказать еще о докладах Вячеслава Иванова относительно стихотворений 30 года «В начале жизни школу помню я...» и «Шалость»²⁶ 28 года,²⁶ «Воспоминание» и о докладе М. М. Попова²⁷ о «Пророке». ²⁸ «Пророк» был разобран Вячеславом Ивановым со стороны всечеловечности этого произведения, его стиля

Не полностью исключено, что это описка поэта и что имеется в виду Елена Николаевна Елеонская (1873–1951), известный этнограф и педагог.

²⁴ Правильное заглавие см. в примеч. 21.

²⁵ «Легенда» была написана в 1829 году, ее поздний сокращенный вариант был вставлен в «Сцены из рыцарских времен» (1835). По всей видимости, речь идет о первой редакции.

²⁶ «Шалость» — первоначальное название стихотворения «Бесы» (1830).

²⁷ Возможно, что речь идет о поэте М. Попове, в 1918 году авторе журнала «Пламя», в 1922 году председателе общества «Московские вечера», среди участников которого были А. Позднеев, Е. Шамурин, И. Хибарин. Не исключено, однако, что Вяч. Иванов имел в виду Михаила Максимовича Попова (1800–1871), чиновника III отделения, с которым Пушкину пришлось иметь дело при сношениях с Бенкендорфом, Дубельтом и фон Фокком. «Докладом» здесь, могут быть названы его воспоминания и документы о Пушкине, опубликованные в «Русской старине» (1894. № 8. С. 683–714; сообщено К. А. Кумпан).

²⁸ *Далее в машинописи заклеено:* [чтобы завершить ту группу затронутых на семинарии произведений Пушкина, через которые так ясно сквозит лик Диониса].

и соответствия содержания с последовательными моментами мистических посвящений: имагинацией, инспирацией и интуицией. В «Шалости» руководитель семинария констатировал постановку Пушкиным конечной проблемы России и, наконец, сделал специальный доклад о «Воспоминании», разобрал это произведение со стороны содержания, отметив в нем присутствие иррационального элемента и со стороны звукообраза, колорита и метафор.

Таковы в очень общих чертах те вопросы, которые были затронуты на семинарии при исследовании произведений Пушкина, носящих на себе печать Диониса и которыми так богата главным образом осень 1830 г.

Надо, кроме того, указать, что на протяжении всего семинария постепенно вскрывалась глубокая зависимость Пушкинского творчества от первоисточников греческой культуры, и особенно сильным подтверждением этих назревавших выводов явились разборы тех его произведений, где импульсом к творчеству послужили сами творения греческих авторов.

Исследование в этой области были произведены *И. Н. Розановым*,²⁹ сделавшим доклад о «Подражаниях Анакреону» главным образом со стороны ритмической структуры, и *Е. Е. Вишневским*,³⁰ разобравшим «Стихотворенье из Ксенофана Колофонского»,³¹ «Славная Флейта», «Феон»³² и «Вино»³³ путем детального сличения Пушкина с греческими подлинниками.

Хотя в течение всего семинария форма и содержание не разъединялись, но все же можно указать на целый ряд работ, специально исследовавших элементы формальной структуры стиха. Так руководителем семинария была разобрана инструментовка элегии «Безумных лет угасшее веселье...» в связи с ритмической структурой этого произведения, *И. М. Дегтеревским* была разобрана инструментовка «Осени» и других «золотых» стихов Пушкина 1830 г. с указанием присущих им основных звуковых комбинаций и *Никитиным*³⁴ был сделан инструментальный анализ

«Зимней дороги», причем руководитель семинария дал дополнительный тематический разбор этого стихотворения в связи с инструментовкой гласных. Им было указано на характерную для первой строки аллитерацию на *a* и на пэоны, столь гармонирующие с основной темой безбрежности и простора, на характерное для Пушкина сочетание *a* с *y*, на контрастирующее *и*, на переход через *o* опять к *a*, т. е. снова к теме безбрежности и простора,³⁵ и, наконец, на переплетение минорной эротической темы с аллегоретто сонного видения.

В ритмическом отношении были разобраны трехдольники у Пушкина в докладе *О. В. Неуструевой*,³⁶ причем руководителем семинария было сделано сообщение о двух основных типах трехдольника вообще (амфибрахий и псевдоамфибрахий) с особым указанием на стихотворение «Путник усталый»³⁷ как на замечательную попытку найти особый размер для передачи ориентализма произведения.

Затем в докладе *З. Е. Модестовой*³⁸ была разобрана статья Чудовского о ритмах «Русалки»³⁹ и уже на последнем перед летним перерывом заседании *А. В. Позднеевым* было произведено исследование о влиянии стилистических приемов Байроновского «Дон-Жуана» на «Евгения Онегина».

Кроме упомянутых докладов, из области инструментовки и ритмики произведений были заседания, посвященные «Евгению Онегину», «Полтаве», «Графу Нулину» и «Вельможе». *М. А. Киреевой*⁴⁰ был произведен психологический анализ личности Евгения Онегина, руководителем семинария был сделан доклад

в 1920-м — участник «Кружка поэзии» при ЛИТО Гос. Института декламации (см.: «Кружок поэзии» в записи Фейги Коган. С. 119, 129, 168), в 1923-м — участник ОЛРС (Хроника//Пушкин. С. 315, 318).

³⁵ Здесь используется метод семантизации фонемы Ф. де Соссюра (его лекции в Женевском университете Вяч. Иванов посещал в 1900-е годы), впервые использованный Вяч. Ивановым в статье 1907 года «О „Цыганах“ Пушкина». Ассоциировав звуковой ряд в пушкинской поэме с опорой на «у» («Цыганы шумно толпой по Бессарабии кочуют» — «ночуют» — «гула» — «Кагула»), Вяч. Иванов показал, что имя героини поэмы — «Мариула» — анаграмматически вбирает в свой состав этот звуковой ряд, соотносится с общей темой поэмы и, наконец, оркестровано в созвучиях трагического ужаса в эпилоге (IV, 301–302, 744–745).

³⁶ Лицо не идентифицированное.

³⁷ Речь идет о девятом стихотворении в цикле «Подражание Корану» («И путник усталый на Бога роптал...», 1824).

³⁸ Лицо не идентифицированное.

³⁹ Имеется в виду работа В. А. Чудовского «О ритме пушкинской „Русалки“» (Аполлон. 1914. № 1–2. С. 108–131).

⁴⁰ Лицо не идентифицированное. «Вся Москва» за 1917 год упоминает Марию Аполлоновну Кирееву, жену статского советника.

²⁹ Иван Никанорович Розанов (1874–1959).

³⁰ Лицо не идентифицированное. Не исключено, однако, что речь идет о Евг. Евг. Вишневском (род. 12.02.1902, Москва), младшем ассистенте вакуумной лаборатории Гос. Рентгеновского ин-та (Вся Москва. М., 1923).

³¹ Стихотворение «Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают...» (1832). Взято Пушкиным из французского перевода книги «Пир мудрецов», составленной Афинеем в III в. Автор его Ксенофан из Колофона.

³² Ошибка в записи. Речь идет о стихотворении «Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя хоров... (Из Афиней)» (1832). Взято из того же источника (см. примеч. 30).

³³ «Вино (Ион Хиосский)» (1833). Взято из того же источника (см. примеч. 30).

³⁴ Имеется в виду Михаил Н. Никитин, автор (?) книги «Завязь. Стихи» (М., 1917), в 1918-м — сотрудник журнала «Пламя» (№ 10–13, июль),

о «Полтаве», в котором было указано на отсутствие в этом произведении подлинного чувствования Украины, на несоответствие формы и содержания (большой исторический сюжет давит форму), на отсутствие единства стиля, на стремление к народности и отсутствие ее подлинного осуществления. В своем докладе о «Графе Нулине» Вячеслав Иванов коснулся недавно вышедшей статьи М. О. Гершензона и высказал по этому поводу свои основные контр-соображения. Признавая мысли автора статьи очень интересными и глубокими, докладчик тем не менее заметил, что запись Пушкина о написании «Нулина» 13-го и 14-го⁴¹ надо понимать так: «в тот самый день, когда я писал пародию на историю изгнания царей из Рима⁴², история осуществляла ту же самую пародию в Петербурге».⁴³

Наконец, на предпоследнем заседании был заслушан Ю. П. Дейника о «Вельможе», в котором он дал тонкий разбор этого произведения с точки зрения выполнения портрета Юсупова, а также со стороны ритмической. Руководитель семинария обратил внимание, кроме того, на эйдетичность⁴⁴ портрета Юсупова, на глубокое проникновение Пушкина в философию истории, на музыкальную структуру произведения и на отражение в нем стихотворения Бомарше, написанного последним Юсупову, с указанием, кроме того, на все стихотворение в целом, как на разговор Пушкина с Юсуповым. Таков в общих чертах конспект работ пушкинского семинария за первый семестр его существования. Ретроспективный взгляд на эти работы показывает, что содержание произведения никогда не отделялось от его формы, и что то и другое считалось кровной и органической частью одного общего целого. Кроме того, докладчики старались иметь отправным пунктом самое произведение, прежде всего, памятуя, что оно художественное. Все исследования, выходявшие за его пределы, производились только постольку, поскольку это необходимо для уразумения его подлинной сущности, без того, чтобы они могли исказить и задавить собой основную задачу.

⁴¹ Имеется в виду дата написания поэмы: 13 и 14 декабря 1825 года.

⁴² Речь идет о «Заметке о „Графе Нулине“» Пушкина, а именно, приведенные здесь размышления за чтением «Лукреции» Шекспира о том, что, возможно, «Брут не изгнал бы царей», «если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию» (как поступила героиня Пушкина). Последняя фраза — «Бывают странные сближения» — намекает на то, что именно в этот момент происходили события на Сенатской площади.

⁴³ Вяч. Иванов имеет в виду известное пушкинское высказывание, которое Гершензон цитировал так: «Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась, я не мог противиться двойному искушению» (*Гершензон М. О. Граф Нулин // Гершензон М. Избранное. Москва; Иерусалим, 2000. Т. 1. С. 140*).

⁴⁴ Понятие, используемое в различных смысловых оттенках неоплатонизма также П. Флоренским и А. Лосевым, а в гуссерлианском — Г. Шпетом.

В семинарии, безусловно, был сделан новый подход к творчеству Пушкина и даны некоторые оригинальные исследования его произведений.

В своем втором семестре семинарий ставит себе более серьезные и сложные задачи, и, не стесняя участников в выборе тем, тем не менее, ставит более требовательные условия их выполнения, требуя прежде всего того, чтобы каждый доклад носил самостоятельный, а не компилятивный характер. Кроме того, предполагается ряд групповых работ, причем в первую очередь будет приступлено к исследованию Пушкинской метафоры в области лирики.

Кроме того, предполагается также возобновление и воскресных лекций, причем в первую очередь намечены следующие чтения: Г. А. Рачинского⁴⁵ «„Фауст“ Гёте и современный духовный кризис», цикл лекций Вячеслава Иванова «О мифах Платона», М. О. Гершензона «Тайные мысли Пушкина»⁴⁶ и в дальнейшем многие другие.

Документ этот был составлен, надо думать, сразу после завершения первого семестра, то есть весной или летом 1919 года. О темах, прозвучавших во втором семестре, можно догадываться по проекту издания материалов ивановского семинария (см. ниже). В феврале 1920 года было проведено открытое заседание семинария, деятельность которого продолжалась уже год. Имеет смысл полностью привести газетный отчет:

Пушкинская годовщина в Пушкинском кружке

Годовщину смерти Пушкина Пушкинский кружок, работающий под руководством Вяч. Иванова, ознаменовал открытым торжественным заседанием, на котором был прочитан ряд докладов, посвященных творчеству Пушкина.

Заседание, состоявшееся под председательством П. Н. Сакулина, было открыто чтением годового отчета деятельности Кружка⁴⁷, из которого ясно, какая значительная работа по исследованию пушкинского творчества была выполнена Кружком. Особенно интересны результаты, достигнутые в области изучения ритма и инструментовки пушкинского стиля.

На заседании были прочитаны доклады: Ю. Н. Дейнике (О послании «К вельможе»), В. Н. Княжнинным (А. Григорьев о Пушкине), В. И. Ивановым (об античности Пушкина) и П. Н. Сакулиным

⁴⁵ Григорий Алексеевич Рачинский (1859–1939).

⁴⁶ Основной круг идей, касающихся указанной темы, нашел отражение в книге Гершензона «Мудрость Пушкина» (1919).

⁴⁷ Этот отчет не выявлен.

(О гениальной простоте Пушкина по поводу «Памятника»);⁴⁸ особым интересом отличались последние два доклада, остро взятые основные темы и во многом по-новому осветившие творчество Пушкина.

Вечер, собравший большое количество публики, носил интимный и теплый характер и окончился выражениями благодарности и приветствия руководителю кружка Вячеславу Иванову.⁴⁹

Доклад Вяч. Иванова о Пушкине и античности носил, надо думать, концептуальный и обобщающий характер, и о его утрате приходится сожалеть больше всего.⁵⁰

Своеобразное прощание Вяч. Иванова с пушкинским семинаром и вообще с Москвой произошло весной 1920 года, когда Вяч. Иванов с семьей предполагал отправиться за границу. 16 мая 1920 года состоялось заседание Общества любителей российской словесности (поэт был его членом с 1915 года). Присутствовали К. Д. Бальмонт, А. А. Грушка, А. Е. Грузинский, А. И. Калишевский, Е. М. Курц, П. С. Коган, Л. Ф. Маклакова, А. М. Михайлова, Н. М. Мендельсон, О. Э. Озаровская, П. Н. Петровский, И. Н. Розанов, Ю. М. Соколов, Б. В. Томашевский, В. Е. Чешихин-Ветринский, Г. Г. Шпет и др., надо думать, также и участники семинария. Вяч. Иванов прочитал свои переводы: три сцены из «Агамемнона» Эсхила, «Надпись на воротах кладбища» из «Генриха фон Офтердингена» Новалиса⁵¹ и цикл «Зимние сонеты».⁵²

После речи Сакулина и выступления А. Е. Грузинского слово от имени пушкинского семинария взял Ю. П. Денике. В его выступлении был подведен итог деятельности семинария и определено то новое, что его участники увидели в философском и филологическом методе, продемонстрированном Вяч. Ивановым. Некоторые

⁴⁸ Статья П. Н. Сакулина «Памятник нерукотворный» была опубликована в кн.: Пушкин. М., 1924. Сб. I. С. 31–71.

⁴⁹ Вестник театра. 1920. № 54. 24–29 февр. С. 15. Опечатки исправлены без оговорок.

⁵⁰ Ср. в связи с этим показательную реплику Б. А. Грифцова на заседании ОЛРС 19 ноября 1922 в помещении ГАХН после доклада В. Ф. Саводника «Античные образы в поэзии Пушкина»: «На немногих страницах В. Иванову удалось сказать больше и лучше об отношениях Пушкина к античности, чем всем другим исследователям вместе» (см.: Хроника//Пушкин. С. 288).

⁵¹ Это стихотворение, переведенное Вяч. Ивановым с заглавием «Славьте пир наш на погосте», опубликовано в кн.: IV, 237–240.

⁵² Протокол этого заседания см.: *Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов — член Общества любителей российской словесности// *Europa Orientalis*. 1993. XII. 1. С. 331–335. Дополнительные сведения об этом заседании в кн.: *Клейменова Р. Н.* Общество любителей российской словесности. 1811–1930. М., 2002. С. 545.

формулировки и стиль его выступления соотносятся с хроникой семинария, поэтому можно предположить, что автором хроники был именно он:

«Было бы смело указывать на работы пушкинского семинария, как на работы значительные в научном отношении. Одно можно сказать: роль В. И. Иванова в создании семинария является большой научной заслугой. С грустью прощаемся мы с Вячеславом И<вановичем>. Мы теряем руководителя в тот момент, когда не все еще окрепло. Но что им сделано, не пройдет бесследно для русской науки.

В лице Вячеслава И<вановича> сочетались поэт и филолог с редкостью изощренной филологической критикой. Любой подход к предмету изучения имел место в семинарии: и накопление фактов, и субъективные соображения. Но в том и другом случае семинар работал над отбором гадательного и установлением объективно-данного. В результате многостороннего освещения мы приходили к некоторому единству.

По философским своим убеждениям Вячеслав И<ванович> всегда настаивал на изучении Пушкина в разных аспектах. Он учил нас, что основой изучения поэта должны быть философия, и что все поэты — платоники. С этими идеями подходили мы к поэзии Пушкина, и они оказались плодотворными. „Эллинизм“ Вячеслава Ивановича, его чувство и глубокое понимание античности дало возможность по-новому осветить вопросы об античной стихии в творчестве Пушкина. Это поднимало более широкую проблему — об античной традиции в русской литературе. Мы обещаем продолжить работу, начатую под руководством В. И. Иванова».⁵³

Видимо, весной-летом 1920 года возник план опубликовать труды пушкинского семинария. Сборник должен был открыться работами Вяч. Иванова. Примечательно, что названия 14 ивановских этюдов по Пушкину совпадают по темам с его докладами и содокладами на семинарии. Вот два взаимодополняющих наброска этого плана на двух листах рукой Вяч. Иванова:⁵⁴

⁵³ *Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов — член Общества любителей российской словесности. С. 335.

⁵⁴ *Иванов В. И.* Пушкинский семинарий. Конспективные записи//РНБ. Ф. 304. № 34.

1-й сборник Пушкинского кружка в Москве

- Вяч. Иванов. «Пир во время чумы».
«Египетские ночи».
«Моцарт и Сальери».
«В последний раз твой образ милый...»
«Заклинание».
«Пророк».
«Зимняя дорога».
«Воспоминание». *Miscellanea*
«Бедный рыцарь».
«В начале жизни школу помню я...»
«Пиковая дама».
«Медный всадник».
«Граф Нулин».
«Шалость».
- Ю. Денике. «К вельможе».
«Моцарт».
«Акцентуация»⁵⁵ 3 л.
«Пиковая дама».
«Медный Всадник».
- А. Позднеев. К стилистике Байронова «Дон Жуана» и пушкинского «Евг<ения> Онегина» (сравнительный этюд) 1/2 л.
И. Розанов. Переводы из Анакреонта⁵⁶ 1/2 л.
Киреева. О типе Евгения Онегина 1/2 л.
И. Дегтяревский. Медный Всадник 1/2 л.
М. Гершензон. Пир во время чумы 1/2 л.
Жигалин (?) Ближайший источник «Сонета»⁵⁷ 1/2 л.
А. А. Дилевская. Достоевский о Пушкине 1/2 л.
Гроссман-Рощин⁵⁸. Сказки.

Коллективное комментированное издание «Пиковой дамы» и «Медного Всадника».

⁵⁵ Здесь: система ударений.

⁵⁶ Вошло в кн. И. Н. Розанова «Литературные репутации. Работы разных лет» (М., 1990).

⁵⁷ Лицо не идентифицированное.

⁵⁸ Не исключено, что имеется в виду не Иуда Соломонович Гроссман-Рощин (1883–1934), а Леонид Петрович Гроссман (1888–1965). В библиотеке Вяч. Иванова в Риме находится кн. Л. П. Гроссмана «Плеяда. Цикл сонетов» (М., 1922) с посвящением: «Глубокоуважаемому Вячеславу Ивановичу Иванову с великим смирением от автора 9.VI.924».

Предположительное содержание
Первого Сборника Пушкинского Кружка в Москве

- ? М. Гершензон. О Вальсингаме и Мэри в «Пире во время чумы».
- Гроссман-Рощин. Сказки Пушкина как источник для изучения его мирозерцания.
Дегтяревский. К характеристике поэмы «Медный Всадник».
Дилевская. Достоевский о Пушкине.
Денике. О Юсупове и «Послании к Вельможе».
О «Пиковой Даме».
О «Медном Всаднике».
Об «акцентуации» как художественном приеме.
Жигалин. Ближайший источник пушкинского «Сонета».
Вяч. Иванов. *Miscellanea* (О разных произведениях Пушкина).
Киреева. К изучению типа Евгения Онегина.
Позднеев. К стилистике Байронова «Дон Жуана» и пушкинского «Евг<ения> Онегина».
И. Розанов. Подражания Анакреону.

Листов 10

Предположены:

Комментированное издание «Пиковой дамы» и «Медного Всадника».

Этот проект остался нереализованным. Таким образом, как приходится полагать, этюды по Пушкину Вяч. Иванова 1919–1920 годов в настоящее время остаются невыявленными или утраченными. Необходимо отметить, что какие-то из ивановских идей о Пушкине обсуждались в кругах пушкинистов еще в последующие годы.⁵⁹

После переезда в Баку, Вяч. Иванов в 1921 году участвовал в публичном обсуждении докладов о Пушкине А. Крученых (13 мая 1921 года) и Г. А. Харазова (17 июля 1921 года).⁶⁰ Неизвестно, были ли эти отзывы зафиксированы. В 1922 году Вяч. Иванов вел в Ба-

⁵⁹ Ср.: «С толкованием Ивановым строки „И именем своим подругам называла“ (о Марии (Раевской) и „Бахчисарайском фонтане“) полемизировал Д. С. Дарский в докладе „Три любви Пушкина“ на заседании ОЛРС 22 апреля 1923 года на квартире у Н. Н. Фатова; в прениях Б. М. Соколов заявил: „Толкование В. Иванова об имени звезды — Марии — нельзя опровергать, оно вполне документально и отличается полной убедительностью“» (Хроника // Пушкин. С. 311–312).

⁶⁰ Циглер Р. Заметки о поэтике Вяч. Иванова Бакинского периода // VII симпозиум, 2002. С. 118–119.

кинском университете семинарий по Пушкину и Достоевскому;⁶¹ на этом семинаре, в частности, с двумя рефератами выступил Цезарь Вольпе: «Ритм и эвфония „Скупого рыцаря“ Пушкина и „Борис Годунов“».⁶²

Невыявленными или утраченными следует считать тексты нескольких выступлений Вяч. Иванова на юбилейных пушкинских торжествах в Москве в 1924 году.⁶³ Есть сведения о его докладах в Обществе любителей русской словесности и в Большом театре.⁶⁴ В Большом театре поэт, в полемике с А. В. Луначарским, говорил «О „Цыганах“ и о необходимости для России вновь обрести свой религиозный лик».⁶⁵ 9 июня 1924 года Вяч. Иванов читал лекцию в ГАХНе «Пушкин и формальный метод»;⁶⁶ об этой работе идет речь в следующей главке.

II. Вяч. Иванов и «Московский пушкинист»⁶⁷

После отъезда в Рим в августе 1924 года связи Вяч. Иванова с московской литературной средой оборвались не сразу. На волне пушкинских торжеств М. О. Гершензон в январе 1925 года решил наладить выпуск серии книг по пушкинистике в кооперативном издательстве «Колос». Первоначально планировалось название «Московский ежегодник» (связанное с идеей откликаться — через столетие — на творческие и биографические события определенного года пушкин-

⁶¹ Котрелев, 1968. Вып. 209. С. 326–327.

⁶² Вольпе Цезарь. Поэтика белого пятитопного ямба Пушкина: опыт диалектического изучения стиха. Л., 1927. Машинопись статьи в РАИ. Оп. 7. Л. 2.

⁶³ Не исключено, что дальнейшие шаги по изысканию работ Иванова по Пушкину можно будет сделать, когда станет доступной «Реконструкция архива Вяч. Иванова» Н. В. Котрелева.

⁶⁴ Иванова Л., 1992. С. 119–120.

⁶⁵ Письмо О. А. Шор к Ф. А. Степуну от 30 июня 1963, цит. по: Иванова Л., 1992. С. 120, примеч. 1.

⁶⁶ Ср. между прочим: «Сейчас вернулся из Академии, где Вяч. Иванов читал доклад „Пушкин и формальный метод“. Стыдно было за старика: такую беспочвенную гиль нес. Прожил в Баку в качестве Нобеля, и нобелес oblige, отстал, как породистая черепаха от гренадера. Я не выдержал, и стал говорить, и, вскрыв штуки три противоречий и парочку неосведомленностей, старика изобидел, за что мэнады изобьют меня тирсами и метнут меня так, как гоплиты метали копье» (Письмо Г. А. Шенгели к М. М. Шкапской от 9 июня 1924 г. // Минувшее: Ист. альманах. М.; СПб., 1994. 15. С. 260). Тезисы ивановского доклада записал Д. Усов (РГАЛИ. Ф. 941 (ГАХН). Оп. 6. Ед. хр. 4. Л. 1; сообщено Т. Нешумовой).

⁶⁷ Пользуюсь возможностью поблагодарить за неоценимую помощь в работе над этой главкой С. Панова (Москва).

ской жизни), вскоре уточненное на «Пушкинский ежегодник». Гершензон начал переговоры с потенциальными авторами и успел составить примерное содержание первого выпуска. Объем сборника предполагался весьма ограниченным — не более 5–6 листов.

18 января 1925 года Гершензон просил Вяч. Иванова: «Напишите Ваше открытие о звуковом ядре каждого пушкинского стихотворения (помните, Вы мне рассказывали и потом излагали в Акад<емии> Х<удожественных> Н<аук> <...> не больше 6 страниц)».⁶⁸ Срок представления статей был строго обозначен — 15 февраля 1925 года. Вот план этого сборника:

О г л а в л е н и е

Часть I. 1825 г.

1) Пушкин в 1825 г. М. Гершензон	5 стр.
2) Воспоминания о Пушкине в 1825 г.	20 стр.
3) Пушкинский календарь в 1825 г. М. Цявловский	12 стр.

Часть II. Заметки о Пушкине

1) Вяч. Иванов	6 стр.
2) Вересаев. Таврич<еская> звезда	6 стр.
3) Гершензон. «Пут<ешествие> в Арзр<ум>»	9 стр.
4) Гроссман. Мадригалы П<ушкина>	6 стр.
5) М. Н. Розанов. П<ушкин> и Данте ⁶⁹	6 стр.
6) Мелочи о П<ушкине>	16 стр.

Часть III.

Библиография П<ушкинианы> за 1924 г	10 стр.
	96 стр.

Иллюстрации:

1) Вид Тригорского
2) Вид Михайловского. ⁷⁰

Вяч. Иванов немедленно принялся за заказанную ему работу. 20 февраля 1925 года он писал М. О. Гершензону: «Дорогой Михаил Осипович, я написал статью, но столь опоздал, что отсылку ее считаю бесполезной. Если она все же, паче чаяния, нужна, уведомьте

⁶⁸ Переписка В. И. Иванова и М. О. Гершензона / Публ. Е. Глухой и С. Федотовой // Русско-итальянский архив, VI; в печати.

⁶⁹ Речь идет о Матвее Никаноровиче Розанове (1858–1936), авторе статьи «Пушкин и Данте» (Пушкин и его современники. Л., 1928. Вып. 37).

⁷⁰ Автограф М. О. Гершензона в фонде М. А. Цявловского (РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 1. Ед. хр. 237).

меня одним словом. <...> Собрать и изложить мои знакомые Вам мысли оказалось много труднее, чем я думал». ⁷¹ О том же поэт писал в Москву к О. А. Шор 2 марта 1925 года: «Набросал я, по заказу Михаила Осиповича, статейку о звукообразе Пушкина для какого-то пушкинского календаря, который он редактировал и где должны были быть напечатаны статьи его, Цявловского, М. Н. Розанова и Вересаева — но к указанному сроку (15 февраля) не поспел». ⁷²

Гершензон скорострительно скончался 19 февраля 1925 года; Иванов узнал об этом в последних числах февраля из письма Ходасевича. ⁷³ Эстафету по изданию «Пушкинского ежегодника» немедленно перенял М. А. Цявловский. С Вяч. Ивановым он был знаком лично. ⁷⁴ Уже 3 марта Цявловский отправил Вяч. Иванову подробное письмо о последних днях Гершензона. Между прочим Цявловский сообщал, что Гершензон очень ждал ивановскую статью. Ввиду мемуарного характера этого письма имеет смысл привести его целиком:

М<осква> 3.III.925

Дорогой Вячеслав Иванович,

Вы, конечно, уже знаете о страшном несчастье, посетившем нас, — смерти дорогого Михаила Осиповича. Причина смерти так и осталась невыясненной. Приступы боли в печени начались утром 17-го февраля и продолжались с небольшими перерывами до 5 часов утра 19-го, когда последовала смерть. Мих<аил> Осип<ович> все время был в сознании (за полчаса до агонии попросил дать закуренную папиросу); врач, несколько раз впрыскивавший камфору, сделавши последнюю инъекцию, сказал родным, что опасности нет, боли утихнут, и все кончится благополучно, а через 20 минут Мих<аил> Осип<ович> умер.

⁷¹ Переписка В. И. Иванова и М. О. Гершензона.

⁷² Рус.-итал. архив, III. С. 178.

⁷³ Там же. С. 176, 178.

⁷⁴ Свидетельство тому — экспромт поэта в архиве Цявловского:

Дорогому М. А. Цявловскому

Consolatio ad amicum

Все переменится в нас,
что глина,
Но сердце, сердце —
как алмаз!

Вяч. Иванов

12 авг. 1924

(РГАЛИ. Ф. 2558 (М. А. Цявловский). Оп. 1. Ед. хр. 242. Л. 3).

Эта неожиданность смерти особенно потрясла меня. 16-го февраля я с покойным провел вечер на докладе (о Пушкине) в Академии Художественных наук. Мы говорили о нашем сборнике, которым Мих<аил> Осип<ович> очень интересовался последние недели своей жизни и о котором писал Вам. 17-го днем, когда Мих<аил> Осипович уже лежал, у Марьи Борисовны была моя жена, принесшая деньги (30 рубл<ей>) для отправки Вам за статью. Я не спрашивал еще у Мар<ьи> Бор<исовны>, отправлены ли Вам эти деньги, но знаю, что Мих<аил> Осипович ждал Вашей статьи в последние дни.

Дорогой Вячеслав Иванович, ради Бога, высылайте эту статью поскорее — надо сдавать в набор. Смерть Мих<аила> Осиповича не изменила содержания сборника — только, может быть, к некоторым «мелочам», которые дал Мих<аил> Осипович в сборник, придется мне сделать примечания, да еще скажу на одной страничке в траурной рамке о том, что сборник задуман и собран покойным, т<ак> к<ак> на заглавном листе, согласно желанию Мих<аила> Осиповича, не будет стоять его фамилии. «Мы сделаем, говорил он, по старинному и напишем только: „составленный кружком московских пушкинистов“».

Без Вашей статьи я не представляю себе нашего сборника.

Если бы Вы знали, дорогой Вячеслав Иванович, как я осиротел со смертью Мих<аила> Осиповича. Он очень много значил в моей жизни. Я не говорю уже о том, чем я ему обязан в моем жизненном пути — он меня ввел в литературу, познакомил с издателем Л. Э. Бухгеймом, ⁷⁵ а потом с Сабашниковым, рекомендовал в Институт Брюсова, в члены Академии и т. д. и т. д. — душевно и духовно он был для меня огромно важен и нужен.

Утром 17-го фев<ря>, перед тем, как лечь в кровать, чтобы умереть, Мих<аил> Осипович писал о Пушкине, и знаете, какие последние слова он написал — строку Пушкина из эпилога «Рус<лана> и Людм<илы>»:

«Но огонь поэзии погас»

Ваш Мст. Цявловский.

Мой адрес: Москва. Плющиха. Новоколюшенин пер. Д. № 13 кв. 12 Мстиславу Андреевичу Цявловскому. ⁷⁶

⁷⁵ Лев Эдуардович Бухгейм (1880–1942).

⁷⁶ РАИ. Оп. 3. Карт. 11. В РГАЛИ (Ф. 1558. Оп. 2. Ед. хр. 322) хранится черновик этого письма, почти точно совпадающий с публикуемым текстом. Реалии письма см. в коммент. С. Панова к кн.: Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина/Изд. подготовили К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. С. 288; а также по указ.

На письмо Цявловского Вяч. Иванов поначалу не ответил. Но московские друзья Гершензона были полны решимости добиться от Вяч. Иванова обещанной работы. 18 марта О. А. Шор писала поэту из Москвы в Рим: «Вы наверное давно уже получили мою телеграмму и письмо Цявловского с просьбой как можно скорее выслать статью о Пушкине. Ее здесь трепетно ждут. Мих<аил> Осип<ович> со свойственной ему дружеской заботливостью деньги для Вас получил вперед, и у меня руки горят Вам их скорее послать, но до прибытия статьи этого сделать, конечно, нельзя. Очень прошу Вас в срочном порядке сообщить мне, когда и на чей адрес Вы ее выслали». Уже на следующий день, в письме от 19 марта О. А. Шор энергично и энтузиастически вопрошала: «Ваша статья, Вячеслав Иванович, где Ваша статья?! Неужели Вы не получили моей телеграммы? Ведь она была послана 1 или 2 марта. А если получили, то почему же никак на нее не откликнулись? Ваша статья могла бы уже быть в Москве, если б Вы ее тогда же выслали и гонорар Ваш, получением которого давно уже с нежной<?> дружественностью озаботился М. О., был бы Вам уже отправлен. Впрочем, все, что я пишу Вам сейчас, наверное, излишне: Вы давно уже получили письмо Цявловского и в ответ на него статью выслали. <...> Если же до сих пор не отправили, имейте в виду, что и сейчас еще не поздно. Ее с нетерпением ждут. <...> Вы ее радостно писали? Нравится ли она Вам? Жажду ее прочесть».⁷⁷

Для Цявловского участие в сборнике Вяч. Иванова стало делом принципа. 24 марта 1925 года он извещал Б. А. Модзалевского: «Как я уже, кажется, писал Вам, в январе М. О. затеял со мной пушкинский сборник. Смерть М. О., к счастью, не расстроила этого дела, и сборник выйдет. Задержка происходит со статьей В. И. Иванова, который в Италии».⁷⁸ 1 апреля 1925 года Цявловский вновь решительно писал в Рим: «Ни на телеграмму и письмо Ольги Александровны Шор, ни на мое письмо с просьбой выслать Вашу статью о Пушкине для „Пушкинского ежегодника“, задуманного Михаилом Осиповичем и осуществляемого теперь мною, Вы ничего не ответили. Не знаю, что и думать. Повторяю, Ваша статья необходима для сборника. Если Вы ее еще не выслали, выслайте, ради Бога, скорее по адресу: Москва, Главное управление по делам литературы и издательства Павлу Ивановичу Лебедеву-Полянскому⁷⁹ для издательства „Колос“. Гонорар за статью немедленно высылается по получении от Вас статьи».⁸⁰

Вяч. Иванов откликнулся на эти призывы только через месяц, когда выслал долгожданную статью прямо на адрес Лебедева-

Полянского. 23 мая поэт сообщал О. А. Шор: «Что же до статьи <...>, я надеюсь, что она дошла и не затерялась у Лебедева-Полянского. Передал ли он ее Мстиславу Александровичу <...>?». ⁸¹ Письмо самому Цявловскому было написано на следующий день:

172 via Quattro Fontane, p. III (presso Placidi)

Roma

24 мая 1925

Дорогой Мстислав Александрович.

Знаю, слишком знаю, как глубоко я виноват перед Вами. Во имя дружества нашего и по свойственной Вам великодушной снисходительности к человеческим слабостям друзей Ваших, не казните меня *in effigie*⁸², не клеймите печатью отвержения в душе Вашей и, в порыве справедливого гнева, не бросайте в огонь того психо-физического кусочка моей личности, который должен быть, вот уже 3 недели, в Ваших руках в виде тщательно выработанной для Вас статьи «К проблеме звукообраза у Пушкина», если П. И. Лебедев-Полянский, получив ее и признав суетной, не подверг ее раньше сам ауто-да-фе...

Если же все обстоит благополучно и, примерно знаменитая мешкотность моего сердечного друга, Юрия Верховского,⁸³ в коей он, не всегда, впрочем, успешно, со мною состязается, задержала, на мое счастье, набор сборника, проведите сам ее корректуру (ответственную корректуру, как по филологической природе статьи, так и своеобразной природе моего слога) со всяким тщанием. Ведь многие слова у меня коварны, по их относительной неожиданности и близости начертания к ожидаемым; а в этой статье особенно — всякое лыко в строку...

Статья была, в самом деле, [готова] написана — в виде первоначального наброска — еще в пору горестной нашей потери (разумею, конечно, оплакиваемую в тиши нами обоими кончину несравненного друга, Михаила Осиповича, единственного человека во многом и, быть может, важнейшем, с которым все более я сдружался и сроднялся...). Но взду-

⁸¹ *Рус.-итал архив*, III. С. 183.

⁸² Юридический термин, обозначающий символическую казнь преступника, который к моменту вынесения приговора умер или не был пойман.

⁸³ Юрий Никандрович Верховский (1878–1956) — поэт, переводчик, историк литературы; об его отношениях с Ивановым см.: II, 736; III, 846; IV, 713; *Шишкин А.* Вяч. Иванов и сонет Серебряного века // *Europa Orientalis* 1999. XVIII. 2. С. 245–251; *Лавров А. В.* Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского // *Вячеслав Иванов — Петербург*, 2003. С. 194–204.

⁷⁷ РАИ. Оп. 3. Карт. 13.

⁷⁸ Вокруг Пушкина. С. 238.

⁷⁹ Павел Иванович Лебедев-Полянский (1881–1948), председатель ГЛАВЛИТа.

⁸⁰ РАИ. Оп. 3. Карт. 11.

мал я ее переделывать, перерабатывать *de fond en comble*⁸⁴ — в подходящие минуты соответственного направления мыслей — и, конечно, пропустил бессовестно все сроки... *Tantae molis erat!*⁸⁵... И вдруг, в заключении, — *oleum perdidit!*⁸⁶

Не поленитесь Вы, дорогой Мстислав Александрович, и напишите мне о себе и своих работах, о друзьях, о том, что у вас на Москве есть интересного в области наших наук и словесности. Приветствуйте от меня Георгия Ивановича и Надежду Григорьевну,⁸⁷ и на очередном приятельском симпозиуме вспомните об отсутствующем друге, которому весьма трудно, но все же благотворно, жить по соседству от келлии Гоголя в седле между высотами Квиринала и Пинчия.

Заочно обнимаю Вас

Любящий Вас

Вячеслав Иванов.

Напишите мне адреса Г. И. Чулкова (не знаю № дома) и Ю. Н. Верховского, а также И. А. Новикова.⁸⁸ И дайте им мой адрес: авось, сами напишут в доброй час.⁸⁹

Этому письму было суждено стать первым и последним в эпистолярной истории русского поэта и московского пушкиниста. Позволим высказать несколько соображений о причине того, почему их переписка

не получила продолжения. Ивановское письмо заметно выходит за рамки обычной деловой формы, обращенной к коллеге по литературному цеху. Оно отличается как старомодной и изысканной учтивостью, дружественностью в стиле пушкинской эпохи, так и элегантно игрой цитатами и реалиями из поэтического, юридического и топографического тезауруса Вечного города. Примечательно богатство обертонов — от траурного, посвященного кончине друга, до иронического, в конце и начале письма. Выходит из допустимых политических границ, конечно, прежде всего, его острая ирония: неоднократно обыгранное «публичное сожжение» самого поэта и его эссе на костре ревнителя новой инквизиции — цензурного ведомства маститого вельможи Лебедева-Полянского (называемого иными современниками «Лебедевым-Подлянским»). Ирония о государственном ведомстве, которое, ревнуя о чистоте нового религиозного учения — марксизма — сжигает («ауто-да-фе») научную статью по причине ее «суетности» была достаточно макаберна.

Статья «К проблеме звукообраза у Пушкина» вышла в свет в «Московском пушкинисте», редактором которого был М. Цявловский, через пять лет, в 1930 году. В этой публикации статья была посвящена «Памяти М. О. Гершензона», но состав сборника не имел уже никакого отношения к задуманному Гершензоном плану. Хронологически это последний текст Вяч. Иванова, который при его жизни вышел из печати в СССР.

III. «Евгений Онегин» на итальянском в 1937 году

Следующий эпизод относится к середине 1930-х годов, когда русская эмиграция готовилась праздновать пушкинский юбилей. Весной 1936 года Вяч. Иванов добился высшего признания в итальянском академическом мире, получив от Королевской Итальянской академии премию за «литературную критику и деятельность мыслителя и писателя».⁹⁰ Незадолго до этого, в феврале 1936 года, поэт вступил в переговоры о праздновании юбилея в самой Королевской Академии с ее вице-президентом по классу словесности санскритологом Карло Формики.⁹¹ Товарищ председателя парижского Пушкинского комитета М. М. Федоров спешно писал Вяч. Иванову 23 марта 1936 года: «Ваши усилиями обеспечено торжественное заседание в Королевской Академии в Риме для чествования Пушкина 11 февраля будущего года, причём организацию этого чество-

⁹⁰ *Sulpasso Bianca*. Dalla corrispondenza di Vjaceslav Ivanov con gli slavisti italiani//Europa Orientalis. 2008. XXVII. P. 294–295.

⁹¹ См. письма Иванова к Амфитеатрову от 10 февраля 1936 года: А. В. Амфитеатров и В. И. Иванов. Переписка/Публ. Дж. Малмстада//Мишнев: Ист. альманах. СПб., 1997. 22. С. 529.

⁸⁴ Полностью (*фр.*).

⁸⁵ Так было трудно (*лат.*) — цитата из Вергилия («Энеида» I, 33). Эта строка полностью: «*Tantae molis erat Romanum condere gentem*» — «Так было трудно заложить основание римского народа».

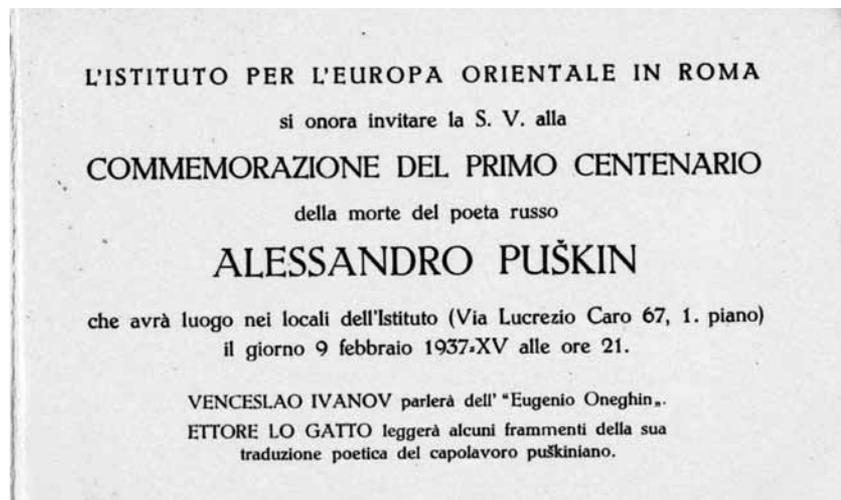
⁸⁶ Масло потрачено напрасно (*лат.*). Цицерон («Письма к близким», VI, 1, 3; «Письма к Аттику», XIII, 38, 1) употребляет выражение «*oleum perdidit*», имея в виду масло, потраченное на освещение, при котором он работал. Ср. также «*Oleum et operam perdidit*» («и масло, и труд мною потеряны напрасно»; «Я потерял (даром) масло и труд», т. е. напрасно трудился) — поговорочное выражение, источник которого — «Пуниец» Плавта, где слова эти произносит гетера, которой напрасно пришлось украшать себя.

⁸⁷ Имеются в виду Г. И. Чулков (1879–1939) и Н. Г. Чулкова (1874–1961). См. Иванова Л. Н. Вячеслав Иванов — Борис Зайцев — Георгий Чулков (Из архивных разысканий)//*Башня*, 2006. С. 166–172.

⁸⁸ Иван Алексеевич Новиков (1877–1959), поэт. Его книга «Полный ковш. Стихи для детей среднего возраста» (М., 1924) с дарственной надписью автора Д. В. Иванову находится в библиотеке РАИ. Стихотворение «Базар» из этой книги Вяч. Иванов переложил на итальянский и немецкий языки (*Рус.-итал. архив*, III. С. 306). Переписка Вяч. Иванова и И. Новикова не выявлена.

⁸⁹ ИРЛИ. Ф. 387. № 168. Итальянский штемпель: «6.5.25»; московский: «31.5.25». На конверте обратный адрес: Отпр.: Venceslao Ivanov a Roma, 172, via IV Fontane, p. III (presso Placidi).

вания, по Вашей просьбе, принял на себя член Академии сенатор де-Формики». ⁹² Но энтузиазм Пушкинского комитета в Париже оказался преждевременным. 28 декабря 1936 года Иванов, намекая на гущающуюся политическую ситуацию на Аппенинах, сообщал М. М. Федорову: «Я говорил <...> с вице-президентом Итальянской Академии о желательности пушкинского собрания в Академии <...> Но это предложение было на заседании Академии отклонено — по видимому, по соображениям международной политики». ⁹³

Пригласительный билет на Пушкинский вечер
9 февраля 1937 года в Риме

Пушкинский год в Италии — продолжал поэт в том же письме 28 декабря 1936 года — будет отмечен другим событием: выходом в свет поэтического переложения Э. Ло Гатто на итальянский язык „Евгения Онегина“ с предисловием самого Вяч. Иванова. Празднованием юбилея в Риме стал скромный вечер 9 февраля 1937 года в Институте Восточной Европы на улице Лукреция Кара, 67. Вяч. Иванов говорил здесь о пушкинском романе, а Ло Гатто читал из еще ненапечатанной книги избранные фрагменты (см. иллюстрацию). ⁹⁴

⁹² РАИ. Оп. 3. Карт. 9.

⁹³ Цит. по публ.: А. В. Амфитеатров и В. И. Иванов. С. 534. Причина отмены большого проекта празднования пушкинского юбилея 1937 года в Риме неясны и требуют специального рассмотрения.

⁹⁴ Описание вечера — политизированное и едва ли не карикатурное — принадлежит советскому журналисту М. Чарному: *Чарный М.* Неожидан-

О близящемся появлении книги знал также Е. А. Ляцкий, председатель Пушкинского юбилейного комитета в Праге. В предпоследний день 1936 года Ляцкий обратился к поэту с просьбой о самом кратком эссе о Пушкине и одновременно об отзыве на новый перевод «Онегина»:

30.XII.<1>936

Дорогой Вячеслав Иванович, да хранит Вас Господь еще на многие годы! Этторе Ло Гатто читал мне предисловие Ваше к его переводу. Оно правдиво и чудесно. Прошу Вас, пришлите мне 1–2 страницы по-русски об его переводах 16–18–I. Хотелось бы прочесть Ваше мнение в нашей пушкинской аудитории. О, если бы Вы дали одну страницу о Пушкине! Да? Ваш Е. Ляцкий. ⁹⁵

Вяч. Иванов отвечал:

Roma, via di Monte Tarpeo, 61
14 янв<аря> 1937

Дорогой Евгений Александрович, благодарю Вас от всего сердца за Ваши сердечные слова и посылаю Вам в свою очередь дружеский привет и пожелания всего доброго, счастливого, творчески живительного. Вот Вам — боюсь, что поздноватое, раньше не ухитрился исполнить Ваше желание — мой отчет о переводе Гектора Доминиковича. А «страничку» о Пушкине не удалось выкроить из того, что о нем пишу, о чем сожалею очень. Но ведь Вы можете взять в переводе, что Вам потребуется, из моей «Introduzione» к переводу Lo Gatto. С глубоким уважением и преданностью
Ваш Вяч. Иванов. ⁹⁶

Отзыв Вяч. Иванова об «Онегине» в переводе Ло Гатто был зачитан в пражской русской аудитории. Очень высоко оценив труд Ло Гатто, Иванов одновременно — едва ли не первый в XX веке — сформулировал тезис о принципиальной непереводаемости пушкинской поэзии на другие языки. 19 января 1937 года Ляцкий благодарил Вяч. Иванова за «блестящие и проникновенные строчки о переводе

ная встреча (Вяч. Иванов в Риме)//Иванова Л., 1992. С. 326–330.

⁹⁵ РАИ. Оп. 3. Карт. 9.

⁹⁶ Литературный архив Музея национальной письменности (Прага). Ф. Е. А. Ляцкого. Л. 52/69/0795.

Lo Gatto».⁹⁷ Приведем ивановский отзыв по авторизованной машинописи.⁹⁸

О новом итальянском переводе «Евгения Онегина»

Пушкинский год будет отмечен в Италии, между прочим, художественным изданием «Евгения Онегина» в стихотворном переводе Гектора Ло Гатто.

Проблема стихотворного перевода по существу столь же неразрешима, как проблема квадратуры круга. Если совершенная форма есть форма необходимая и единственная, очевидно, что однажды прозвучавший стих, достойный этого имени, не может быть повторен в других звуках. Трагический рок поэзии в том, что она, с ее всечеловеческой душой, ограничена пределами одного языка, который зато в ней одной достигает своего предопределенного в его стихии расцвета. Лучшие переводы суть только приближения, и правильнее было бы называть их по старинному «переложениями». Наиболее удачные из таких переложений относятся к подлиннику, как гравюра к живописи. Бывает, впрочем, и здесь, как и везде, чудо: «Жалоба Цереры» Жуковского лучше Шиллерова подлинника.

Если не предъявлять к стихотворному переводу требований, не соответствующих вышеизложенным общим условиям, если не забывать, что, как металл, так и чекан пушкинского стиха невоспроизводимы, то к переводу Ло Гатто, плоду глубокого изучения, восторженной любви, поэтического вживания в мир поэта, надлежит отнести нам, русским, с истинною признательностью и радостным признанием его редких, неоспоримых и выдающихся достоинств. Перевод этот, прежде всего, верен и точен, в значительной его части почти дословен. Переводчик понял и осуществил задачу интерпретации в широком значении не только истолкования непосредственного смысла речи, но и всех заключенных в ней намеков, оттенков слова, перемен тона. Он ищет передать внутренний ритм подлинника, его темп,

⁹⁷ РАИ. Оп. 3. Карт. 7.

⁹⁸ Литературный архив Музея национальной письменности (Прага). Ф. Е. А. Ляцкого. 52/69/5577. Заглавие, дата и подпись рукой Вяч. Иванова. Другие источники текста: РАИ. Оп. 2. Карт. 15, неавторизованная машинопись (дата отсутствует); ИРЛИ. Ф. 163. (Е. А. Ляцкий). Оп. 1. № 179. Л. 4–4 об., неавторизованная машинопись. Здесь текст помечен: «Рим, 14 января 1937»; начинается вводной фразой: «Вячеслав Иванов, продолжающий неустанно работать в Риме, таким образом охарактеризовал прекрасный перевод Этторе Ло Гатто»; в остальном текст идентичен пражскому и римскому. На полях экземпляра ИРЛИ — две пометы на чешском языке для наборщика; они позволяют предположить, что Ляцкий предполагал опубликовать ивановский отзыв.

его переходы от житейски простого, от объективно повествовательного, от эпиграмматического блеска и холодного размышления к лирическим подъемам и мелодической певучести. Язык перевода современный, но поэтически облагороженный и не лишённый в некоторой мере, подобно подлиннику, старинной патины. Стих же, благозвучный и строгий, есть нормальный для итальянской повествовательной поэзии одиннадцатисложный стих; но структура онегинской строфы благоговейно сохранена.

Чередование стройных строф, подобное прибою гармонических волн, пленяет нас и в переводе; он читается с легкостью и невольным увлечением. Труд Ло Гатто займет прочное место в небогатой сокровищнице итальянской переводной поэзии.

14 января 1937.

Вячеслав Иванов.

В заключение необходимо поставить вопрос. Насколько соответствует современной действительности заявление Ю. П. Денике 1920 года, что ивановский семинарий по Пушкину «не пройдет бесследно для русской науки»? Что до пушкинских работ Вяч. Иванова 1937 года, где поэт очень сжато наметил свои пушкинологические концепции, то старейшина итальянских славистов Этторе Ло Гатто в 1981 году имел все основания сетовать, что они не прочитаны как советской пушкинистикой, так и западными учеными.⁹⁹

Идеи и философский метод Вяч. Иванова-филолога в различной мере преломились в трудах П. А. Флоренского, А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина, Л. В. Пумпянского и даже в структуралистской школе. Труды Вяч. Иванова по Достоевскому продолжают оставаться актуальными. Иной оказалась судьба работ поэта по Пушкину. Их смысл остается непроясненным и неоцененным.

⁹⁹ *Lo Gatto* Э. Отношение Достоевского к Пушкину: малоизвестное толкование Вячеслава Иванова // Записки Русской академической группы в США. 1981. Vol. 14. P. 187–197.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА В РИМЕ

Вячеслав Иванов

Исследования и материалы

Ответственные редакторы
К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин

Вып. 1

Издательство Пушкинского Дома
Санкт-Петербург, 2010